

Зарин Федор Ефимович

**Летающий пономарь. Ковер
самолет**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Ефимович З.**
Летающий пономарь. Ковер самолет / Зарин Федор Ефимович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 287 с.

ISBN 978-5-519-85734-5

Тайна поповского сына

ISBN 978-5-519-85734-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

І. НА ВОЛГѢ.

Солнце нестерпимо жгло, хотя былъ уже августъ мѣсяцъ.

Блестящая поверхность рѣки слѣпила глаза. На ея широкой равнинѣ не было видно ни баржи, ни лодки.

Словно все движеніе остановилось въ этотъ томительный знойный часъ на могучей Волгѣ.

Казалось даже, что самое теченіе ея было замедленно. Только въ прозрачномъ воздухѣ легко и свободно носились чайки, то задѣвая крыломъ гладкую поверхность рѣки, то взлетая къ небу.

На высокомъ бутрѣ, подъ кустами, откидывающими скудную тѣнь, лежалъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ. Воротъ его ситцевой рубахи были разстегнутъ, широкополая шляпенка валялась рядомъ.

Подложивъ подъ голову руки, молодой человѣкъ, лежа на спинѣ, задумчиво смотрѣлъ въ мглистое знойное небо.

Это былъ человѣкъ хрупкаго болѣзненнаго сложенія. Выраженіе его кроткихъ большихъ голубыхъ глазъ было мечтательно. На широкій лобъ падали влажные, мягкія кудри свѣтло-русыхъ волосъ.

Узкія плечи и впалая грудь не показывали крѣпкаго здоровья. Лицо его съ легкими свѣтлыми усиками было блѣло и блѣдно.

Высоко надъ его головой летали птицы, и, Богъ вѣсть, какія мечты волновали молодого человѣка, когда онъ слѣдилъ за ихъ свободнымъ полетомъ.

Шумъ весель вывелъ его изъ задумчивости.

Онъ повернулся, взглянулъ внизъ и увидѣлъ лодочку. Въ лодочкѣ съ непокрытой головой сидѣлъ сѣдой старикъ.

Онъ лѣнливо работалъ веслами, низко опустивъ сѣдую голову.

Нѣсколько мгновений молодой человѣкъ присматривался и потомъ закричалъ:

— Дѣ-ду-шка-а! Дѣ-ду-шка-а!

Старикъ поднялъ голову и взглянулъ наверхъ. Очевидно у старика были еще зоркіе глаза. Онъ узналъ молодого человѣка, привѣтливо кивнулъ головой и направилъ лодченку къ берегу.

Онъ довольно бодро поднялся по крутому берегу и, отирая со лба потъ, подошелъ къ молодому человѣку. Это былъ сильный рослый старикъ, съ густыми совершенно бѣлыми волосами, съ широкой бородой и нависшими тоже бѣлыми бровями. Маленькіе глаза его еще не утратили своего блеска, поступъ своей твердости, и только слегка согнувшійся станъ говорилъ о тяжести лѣтъ, легшихъ на могучія плечи.

— Здравствуй, Сеня,—слегка шамкая, но громко проговорилъ онъ,—опускаясь рядомъ съ молодымъ человѣкомъ.

— Здравствуй, дѣдушка.

— Благодать Божья,—вздохнулъ старикъ,—парить-то какъ... хорошо!

Онъ съ наслажденіемъ вытянулся на землѣ, подъ тонцей тѣнью кустовъ.

— Тяжко грести,—продолжалъ старикъ, эхъ, прежде бывало, какъ такимъ-то былъ, какъ ты, устали не зналъ... Да-а...

— А давно это было, дѣдушка?—лѣнливо спросилъ молодой человѣкъ, какъ повторяютъ машинально не разъ сказанную фразу.

— А вотъ, посчитай, ты, вѣдь, гораздъ на это... Сколько годовъ-отъ прошло... Да-а. Былъ живъ еще атаманъ Степанъ Тимофѣевичъ. Э-эхъ!

Старикъ оживился.

Онъ приподнялся на локтѣ, устремилъ затуманенные глаза на широкую гладь Волги и задумчиво продолжалъ:

— Вотъ сидишь ты на этомъ бугрѣ и ничесошенки не понимаешь. А на этомъ самомъ бугрѣ мы съ атаманомъ пѣсни пѣли,—и дребезжащимъ голосомъ старикъ запѣлъ:

— Мы не воры, не разбойнички

Атамановы мы помощнички,

Стеньки Разина мы работнички...

Мы весломъ махнемъ—караванъ собьемъ,

Кистенемъ махнемъ—Казань возьмемъ,

Правой рученькой махнемъ

Красну дѣвицу возьмемъ...

Хе-хе!..—засмѣялся онъ и закашлялся...—Давненько это было,—тогда, какъ онъ на кошмѣ изъ Царицына прилетѣлъ... Да...

— Какъ прилетѣлъ?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Какъ?—отозвался старикъ,—извѣстно, какъ! Сѣлъ и полетѣлъ... вотъ, какъ онѣ,—и старикъ указалъ рукой на высоко рѣющихъ птицъ.

— А ты видалъ эту кошму?—снова спросилъ молодой человѣкъ.

Старикъ сердито нахмурилъ брови.

— Видать не видалъ, а слыхалъ отъ людей, что помудрѣе насъ съ тобой... Да-а...—угрюмо продолжалъ онъ,—колдунъ онъ былъ,—вотъ тебѣ и весь сказъ.

— Колдунъ,—повторилъ молодой человѣкъ,—а ежели кто бы придумалъ такую махинацію, что вотъ, взялъ бы да и полетѣлъ...

— Не дадено это человѣку,—возразилъ старикъ.

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ и, повидимому, погрузился въ задумчивость.

— А то вотъ еще,—одушевляясь, продолжалъ старикъ... То кошма его по воздуху летить, то по водѣ плыветъ...

«Да-а... Какъ бывало завидитъ батюшка купецкую баржу, сядетъ въ свою кошму, свистнетъ, да и полетитъ, а какъ до-

летить до того, что станетъ надъ самой баржей, какъ крикъ: «сарынь на кичку» — такъ и конецъ... Да-а...

«Самъ царь Алексѣй Михайловичъ тогда пословъ засылалъ: говорить, — идитко ко мнѣ, Степанъ Тимофѣичъ, всѣхъ недруговъ изничтожимъ, будешь ты у меня первый бояринъ. А того ему посланцы и не передали, боялись Степана Тимофѣича. Знали, что всѣхъ дьяковъ хотѣлъ онъ потопить да всѣ приказы сжечь. Ну, и спужались бояре, да утаили отъ него царскія слова, а только шубу содрали съ него. А шуба-то была соболья да жемчугомъ шитая.

Отдалъ имъ Степанъ Тимофѣичъ шубу, да и говорить: — Тащите, бояре, только не было бы изъ-за шубы шуму... Да-а.

Молодой человѣкъ молча слушалъ.

— Эхъ! Степанъ Тимофѣичъ! — вздохнулъ старикъ и, вдругъ, добавилъ:

— А ты что думаешь, что и впрямь его казнили на Москвѣ? онъ лукаво прищурилъ глаза, — анъ и врешь... Ну, да что... Не про все можно говорить... Такъ-то... Да-а...

Какъ знакомы были эти рѣчи молодому человѣку. Старый сподвижникъ грознаго Стеньки могъ безъ конца говорить о своемъ атаманѣ, и эти рассказы, сказочные и страшные, уже дѣлавшіеся легендой, были съ дѣтства знакомы ему.

Утомленный старикъ повернулся на бокъ, закрылъ глаза и тихо задремалъ.

Молодой человѣкъ молча продолжалъ лежать, устремивъ въ небо свои задумчивые голубые глаза.

Недалеко отъ Саратова, почти на самомъ берегу Волги, раскинулась богатая деревня Артемьевка, съ хорошенькой бѣлой церковкой на высокомъ холмѣ, верстахъ въ двухъ отъ барской усадьбы, принадлежащей Артемію Никитичу Кочкареву, отставному лейбъ-гвардіи маіору.

Деревня была названа въ его честь его покойнымъ отцомъ, души не чаявшимъ въ своемъ единственномъ сынѣ Артемѣ, рожденномъ отъ поздняго брака стараго боярина Никиты Артемье-

вича съ молоденькой дочерью стольника царя Алексѣя Михайловича, боярышней Василисой Ивановной Кошкиной.

Старый бояринъ игралъ большую роль при дворѣ царя Θεодора, а затѣмъ, во времена Софіи, былъ близкимъ другомъ князя Василю Голицына и, одинъ изъ немногихъ, раздѣлялъ и его европейскіе вкусы, и любовь къ просвѣщенію.

Еще при царѣ Алексѣѣ онъ вмѣстѣ съ бояриномъ Артамономъ Матвѣевымъ устраивалъ театральныя зрѣлища и по своей природной любознательности занимался латинскимъ языкомъ и любилъ почитать заморскія книги. Во времена могущества Голицына, онъ не мало пріобрѣлъ себѣ всякихъ книгъ и диковинныхъ заморскихъ издѣлій; были у него и куранты, что звонили каждыя четверть часа, и диковинный глобусъ съ изображеніемъ свѣтилъ небесныхъ, и географическія карты.

Послѣ паденія царевны Софіи, царь пощадилъ его и одной изъ причинъ этого милостиваго отношенія была извѣстная царю дружба Кочкарева съ Артамономъ Матвѣевымъ и его, по тогдашнему времени, большая образованность.

Нуждаясь въ просвѣщенныхъ людяхъ, царь даже хотѣлъ приблизить его къ себѣ, но бояринъ былъ старъ, кипучая дѣятельность царя, его беспощадная ломка всѣхъ преданій и обычаевъ, къ которымъ онъ привыкъ, несмотря на свою относительную образованность, пугали его. Царя окружали новые, молодые люди, «разночинцы» безъ роду и племени. И старый бояринъ уже не могъ поспѣвать за этой возрождающейся, новой, яркой жизнью.

Онъ чувствовалъ себя чужимъ, многому не сочувствовалъ, и царь отпустилъ его на покой.

Но за это старый бояринъ оставилъ царю своего единственнаго сына Артема.

И царь отправилъ Артема среди прочихъ за-границу, гдѣ Артемъ провелъ нѣсколько лѣтъ, и по возвращеніи былъ записанъ въ Преображенскій полкъ.

Рѣдко удавалось Артему навѣщать своего стараго отца въ его родовомъ гнѣздѣ, въ Артемьевкѣ.

То былъ онъ въ походахъ, то за-границей. Незамѣтно прошло время до Полтавской битвы, гдѣ участвовалъ Артемъ и былъ раненъ.

Получивъ продолжительный отпускъ, онъ помчался къ отцу и едва успѣлъ принять послѣдній вздохъ старика. Никита Артемьевичъ скончался за восемьдесятъ лѣтъ. Недолго протянула и жена его. И Артемъ остался одинокимъ.

Онъ вернулся въ Петербургъ, нѣкоторое время служилъ въ адмиралтействѣ—коллегіи, но полученныя раны, особенно рана въ грудь, сильно беспокоили его. Онъ не на шутку расхворался и принужденъ былъ взять полный абшидъ.

Съ тѣхъ поръ онъ поселился въ своей Артемьевкѣ, женился вскорѣ на дочери мелкопомѣстнаго дворянина Хрущева и зажилъ тихой и мирной жизнью.

Съ теченіемъ времени на привольной жизни и чистомъ воздухѣ здоровье его совершенно возстановилось.

Заграничная поѣздка, жизнь при дворѣ Петра, примѣръ отца,—все это не прошло даромъ.

Онъ любилъ почитать, самъ писалъ какое-то сочиненіе «объ приложеніи нѣкоторыхъ умственныхъ упражненій къ воспитанію россійскихъ дворянскихъ дѣтей» и имѣлъ оставшуюся отъ отца, но большею частью пополненную имъ самимъ, бібліотеку на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Вообще, это былъ на рѣдкость, для того времени, образованный человѣкъ.

Сосѣди, хотя и уважали его, но нѣсколько чуждались, считали его чуть не колдуномъ за его «ученость» и шопотомъ говорили, что онъ былъ другомъ извѣстнаго чародѣя Брюса.

Крестьяне любили его, а жену его Марью Ивановну прямо боготворили за ея удивительную и дѣятельную доброту. Дѣтей у нихъ не было и они взяли на воспитаніе круглую сиротку Настю Хрущеву, дочь покойнаго брата Марьи Ивановны, Алексѣя.

Шли годы. Скончался грозный и великій первый импе-

раторъ, какъ живыя картины промелькнули недолгія царствованія Екатерины I и Петра II, едва замѣтныя въ темной Саратовской глуши, и къ тому времени, къ какому относится этотъ разсказъ, на російскомъ престолѣ уже 9 лѣтъ сидѣла императрица Анна Іоанновна, бывшая герцогиня Курляндская, дочь старшаго брата Петра I, Іоанна.

Но всеже, какъ ни далека была Саратовская глушь отъ Петербурга, особенно при Россійскомъ бездорожьѣ, новое царствованіе отозвалось и здѣсь.

Отозвалось оно почти сразу, появленіемъ указовъ о цѣнахъ на хлѣбъ, что не особенно было на руку помѣщикамъ, затѣмъ векорѣ изъ столицы пріѣхалъ къ Саратовскому воеводѣ какой-то щуплый нѣмецъ, едва говорящій по русски, для надзора за воеводой, а больше для собственнаго кормленія. Воевода дрожалъ передъ нимъ, а онъ все пугалъ его графомъ Бирономъ.

Долго спервоначалу всѣ недоумѣвали, какое дѣло русскому воеводѣ и русскимъ дворянамъ до какого-то нѣмецкаго графа.

Но когда узнали, въ чемъ дѣло, то прикусили языки, боясь, что ихъ и вовсе отрѣжутъ. Потомъ узнали, что въ Саратовѣ нѣмецъ приказалъ сжечь бабѣ, которую обвинили въ поджогѣ, да утопилъ дьяка изъ суднаго приказа. Горожане и посадскіе почесывали въ затылкѣ и въ толкѣ не могли взять, что это дѣлается на святой Руси.

Былъ воевода всеже свой, хоть не всегда по закону должность правилъ, а тутъ, на тебѣ, поди. Купцы тащили нѣмцу свои товары.

Заѣхалъ нѣмецъ и къ сосѣднимъ помѣщикамъ. Самымъ крупнымъ былъ Кочкаревъ.

Кочкаревъ, воспитанный въ школѣ Петра Великаго, цѣнилъ иностранцевъ и относился къ нимъ съ уваженіемъ. Онъ честь честью принялъ нѣмчика, на славу угостилъ его, напоилъ. Подарилъ ему даже дорогихъ соболей, но зато вывѣдалъ отъ него все, что хотѣлъ узнать о современном положеніи вещей.

Подпившій нѣмецъ говорилъ, не стѣсняясь, и Кочкаревъ, хотя и отвыкшій отъ нѣмецкой рѣчи, но нѣкогда хорошо съ нею знакомый, просидѣлъ съ нимъ до глубокой ночи.

Когда упившагося нѣмца увели спать, Артемій Никитичъ чуть не до самаго разсвѣта ходилъ изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ.

Онъ многое узналъ, что больно ударило его по сердцу. Онъ узналъ о гибели славнаго рода Долгоруковыхъ, принесенныхъ новой императрицей въ жертву нѣмецкому выходцу, ея фавориту Бирону. О преслѣдованіи бывшихъ сподвижниковъ великаго Петра, объ издѣвательствахъ Бирона надъ лучшими русскими людьми. Сердце его кипѣло, дряхлыя руки подымались съ безсильной угрозой...

Нѣмчику понравился тароватый бояринъ. Онъ участилъ свои посѣщенія. Кочкаревъ принималъ его съ обычнымъ радушьемъ, скрѣпя сердце.

Но вскорѣ нѣмчикъ получилъ какой-то указъ изъ Петербурга и, обремененный «добычей», покинулъ гостепріимное Саратовское воеводство, оставивъ по себѣ недобрую память.

Передъ своимъ отъѣздомъ онъ въ порывѣ пьянаго восторга заявилъ Кочкареву, что никогда не забудетъ его, что и въ Петербургѣ доложить, кому слѣдуетъ, каковъ таковъ Артемій Никитичъ.

Кочкаревъ не придалъ значенія его словамъ...

Это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Послѣ отъѣзда нѣмца, жизнь потекла своимъ обычнымъ порядкомъ.

Но темные слухи доходили о новомъ правленіи.

Сурово стали взыскиваться недоимки. Нѣтъ, нѣтъ да и захватятъ кого-нибудь по доносу, пытаются, бьютъ кнутомъ и потомъ усылаютъ, Богъ вѣсть, куда.

Люди становились осторожнѣе. О Биронѣ и, вообще, о правительствѣ боялись говорить.

Съ нѣкоторой опаской сосѣдъ смотрѣлъ на сосѣда и даже во хмѣлю избѣгали опасныхъ разговоровъ.

II. АРТЕМЬЕВСКИЙ ПОНОМАРЬ.

Кромѣ красавицы Настеньки, племянницы Кочкаревыхъ, которой шель уже семнадцатый годъ, близкимъ къ семьѣ челоуѣкомъ былъ, обласканный Артеміемъ Никитичемъ, сынъ попа изъ Артемьевки, Семень.

Кочкаревъ обратилъ на него вниманіе уже давно, когда Семену было лѣтъ восемь.

Всѣ знали и уважали стараго, суроваго попа Ивана. Велъ онъ жизнь строгую, чуть не монастырскую. Былъ сильно грамотенъ и сына своего воспитывалъ въ строгости и благочестіи. Семень росъ кроткимъ и тихимъ ребенкомъ. Обычныя шалости дѣтства не увлекали его. Онъ рано выучился грамотѣ и помогать отцу въ службѣ, въ церкви, замѣняя пономоря, а потомъ и въ отпискахъ.

Но любимымъ его занятіемъ было устраивать разныя змѣйныя игрушки. Онъ первый соорудилъ невиданнаго до той поры въ Артемьевкѣ воздушнаго змѣя и, когда этотъ змѣй взвился на воздухъ и сталъ плавно парить, собралась вся деревня, а мальчишки обезумѣли отъ восторга.

Только отъ матери сильно попало ему, такъ какъ для змѣя онъ откромсалъ изрядный кусокъ только-что натканной ею холстины.

Но это не остановило юнаго изобрѣтателя.

Этотъ змѣй и обратилъ на него вниманіе Артемія Никитича. Онъ призвалъ мальчика къ себѣ, смотрѣлъ, какъ леталъ

змѣй, причемъ маленькая Настенька хлопала крошечными рученками и визжала отъ удивленія и восторга.

Артемій Никитичъ взялъ мальчика на боярскій дворъ и съ той поры Сенька сталъ товарищемъ игръ Настенки.

Почти цѣлыми днями пропадалъ Сенька на боярскомъ дворѣ.

Онъ дѣлалъ для Насти чудные кораблики, которые бѣгали по пруду во дворѣ, какъ живые. Сеня хитро устраивалъ руль, какъ бы искусственныя весла, потомъ какъ-то наворачивалъ бичевку, быстро дергалъ ее, весла, вертѣлись и корабликъ плылъ самъ собою, разбрызгивая воду.

Какъ-то Артемій Никитичъ позвалъ его къ себѣ и показалъ ему чудныя книжки. Чего-чего тамъ не было! Были нарисованы корабли съ веслами въ три ряда, птицы, сдѣланныя изъ дерева и желѣза, что могли подниматься съ земли и летать.

Жадными глазами смотрѣлъ на нихъ мальчикъ и потомъ говорилъ Настѣ:

— Вотъ и я сдѣлаю такую птицу, сядемъ мы съ тобой и полетимъ, полетимъ....

— Сдѣлай скорѣй, — просила Настя.

И Сеня принимался за работу, но птицы его не летали.

А чудныя книги были на странномъ, непонятномъ языкѣ.

Все чаще и чаще просилъ Сеня посмотрѣть эти картинки, и однажды, пораженный жаждой знаній въ этомъ худенькомъ ребенкѣ, Артемій Никитичъ не выдержалъ и шутя сказалъ:

— Хочешь, я выучу тебя читать эти книги?

У мальчика даже глаза загорѣлись.

Шутя, Артемій Никитичъ показалъ ему нѣсколько латинскихъ буквъ и былъ пораженъ, когда почти тотчасъ же Сенька запомнилъ ихъ.

Это заинтересовало Кочкарева. Онъ показалъ еще и еще и съ удивленьемъ увидѣлъ, что мальчикъ уже умѣетъ читать по латыни. Особенно интересовала мальчика книга, гдѣ были изображены искусственныя летающія птицы. Книга была боль-